

О ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМАЛИЗАЦИИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

Тепляшин Павел Владимирович

д.ю.н., профессор (совместитель) кафедры уголовного права и криминологии

Толстиков Владислав Александрович

магистрант кафедры уголовного права и криминологии

Карпукова Лилия Эдуардовна

магистрант кафедры уголовного права и криминологии

ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

Россия, г. Красноярск

Аннотация: В статье предпринимается попытка актуализации таких общественно-значимых в уголовно-правовом смысле вопросов как введение в ст. 176 УК РФ соответствующих квалифицированных и особо квалифицированных составов незаконного получения кредита, охватывающих такие формы соучастия как совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору и организованной группы, а также причинение преступлением особо крупного ущерба, что подкрепляется примерами из судебной практики, поскольку, по существу, данная проблема еще не была освещена в науке уголовного права, а именно, осуществляется сравнительно-правовой анализ трех форм соучастия – группы лиц, группы лиц по предварительному сговору и организованной группы с указанием на характерные проблемы их разграничения, вызванные неоднозначным толкованием ч. 1-3 ст. 35 УК РФ, а также сформированной в связи с этим, правоприменительной практикой.

Ключевые слова: незаконное получение кредита, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, устойчивость группы, крупный ущерб, особо крупный ущерб.

ON THE POSSIBILITY OF FORMALIZING THE QUALIFIED COMPOSITIONS OF ILLEGAL OBTAINING A LOAN

Teplyashin Pavel Vladimirovich

Doctor of Law, Professor (part-time) of the Department of Criminal Law and Criminology

Tolstikov Vladislav Aleksandrovich

Master student of criminal law and criminology

Karpukova Lilia Eduardovna

Master student of criminal law and criminology

Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute

Russia, the city of Krasnoyarsk

Abstract: The article attempts to actualize such issues of public importance in the criminal-legal sense as the introduction to Art. 176 of the Criminal Code of the Russian Federation of the relevant qualified and especially qualified elements of illegal obtaining a loan, covering such forms of complicity as the commission of a crime as part of a group of persons by prior conspiracy and an organized group, as well as the infliction of especially large damage by the crime, which is supported by examples from judicial practice, since, this problem has not yet been covered in the science of criminal law, namely, a comparative legal analysis of three forms of complicity is carried out - a group of persons, a group of persons by prior conspiracy and an organized group, indicating the characteristic problems of their differentiation caused by ambiguous interpretation

of Part 1- 3 tbsp. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as formed in this regard, law enforcement practice.

Keywords: illegal receipt of a loan, a group of persons, a group of persons by prior agreement, an organized group, the stability of a group, large damage, especially large damage.

На данный момент в науке уголовного права вопрос о наличии в действиях виновных лиц, образующих ч. 1 ст. 176 УК РФ признаков, присущих отдельным формам соучастия, по существу, не ставился. Однако то обстоятельство, что в ст. 176 УК РФ отсутствует такие квалифицированные и особо квалифицированные составы преступлений как незаконное получение кредита, совершенное группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой [1]. Справедливости ради, следует заметить, что отсутствует и особо квалифицированный состав ст. 176 УК РФ – деяние, причинившее особо крупный ущерб.

Однако, есть все основания внесения соответствующих изменений в анализируемую норму, что вытекает из судебной практики – фактически, основного источника анализа о реальном состоянии дел при реализации уголовной ответственности, на что должны обращать внимание законодатель, правоприменитель и представители уголовно-правовой доктрины.

Начнем с упомянутых форм соучастия. Во-первых, говоря группе лиц по предварительному сговору, возникает необходимость в установлении ее уголовно-правового содержания, которое закреплено в ч. 2 ст. 35 УК РФ, исходя из нее, преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Основные трудности установления признаков данной группы возникают при ее сравнительно-правовом анализе с группой лиц и организованной группой, откуда обнаруживаются ее определенные конструктивные сходства между первой и третьей формами соучастия, не говоря о проблематичности их отграничения друг о друга (особенно остро стоит вопрос об отличии группы лиц по предварительному сговору и организованной группы) на практике.

В силу того обстоятельства, что ч. 1 ст. 35 УК РФ не раскрывает сущностные признаки группы лиц, следует обратиться к доктрине уголовного права.

По мнению А.Г. Кибальника, под группой лиц понимается соисполнительство (полное или частичное исполнение объективной стороны преступления) двух и более лиц в совершении преступления без предварительного сговора с изначальным или последующим [17, с. 188]. В последнем случае одно или более виновное лицо уже начало выполнять действия, необходимые для реализации преступления, а оказавшееся рядом (здесь все ученые-правоведы сходятся во мнении, что при совершении преступления группой лиц, виновные лица обязаны находиться в одном месте и в одно время) иное лицо или лица (потенциальные соучастники), присоединились к первым.

А.В. Шеслер не исключает наличие факта распределения ролей при совершении преступления группой лиц: «Примитивный характер субъективной связи между соучастниками сопровождается, как правило, однородным характером действий соучастников, то есть соисполнительством» [18, с. 56], в то время как А.П. Козлов прямо указывает на обозначенную возможность [15, с. 513], притом не абстрактную и сугубо теоретическую, а вполне реальную. К примеру, одно лицо, удерживая жертву, выполняет функцию пособника, устраняя препятствие для реализации другим лицам фактических действий, направленных на причинение ей того или иного вреда (сам вред удерживающее лицо не причиняет, а лишь способствует этому). С приведенными ученым доводами трудно не согласиться, хотя они могут не подходить к некоторым иным случаям совершения преступлений, поскольку судебная практика и основная позиция представителей науки уголовного права пошли по пути отождествления указанных действий и соисполнительства в случае совершения отдельных преступлений (изнасилования, убийства, а также

упомянутого причинения вреда здоровью определенной тяжести и т.д.). В пользу позиции А.П. Козлова выступает то обстоятельство, что нередко, вместе с возникшим умыслом у одного из лиц, он берет на себя организаторские функции для последующего совершения преступления.

Здесь ученый сетует на невозможность подстрекательства в рассматриваемой форме соучастия, поскольку он и не нужен вовсе – исполнители найдены, следовательно, склонять к совершению преступления некого. Но, нельзя исключать тот факт, что одно лицо может уговорить другое лицо пойти на совершение преступления. Разумеется, здесь А.П. Козлов вполне логичен – группа лиц имеет место быть только в двух случаях: в момент исполнения преступления, в т.ч. путем совершения конклюдентных действий, следовательно, подстрекательская деятельность исключается. На данном этапе анализа группы лиц возникает иная проблема – установление момента образования группы лиц.

По общему правилу, свойственному соисполнительству, оно связано с началом исполнения объективной стороны одним или несколькими лицами, при этом, новое лицо или лица присоединяются к уже начатому и совершаемому деянию. Иногда учеными выделяется так называемая конклюдентная группа лиц, которое представляет собой групповое объединение преступников, существующее при отсутствии какого-либо внешнего выраженного согласия (словесно, письменно, путем жестикюляции) соглашения и сведения согласованности поведения соучастников лишь к совершению действий, адекватных ситуаций (обстановка, поведение других участников). Чаще всего подобные группы имеют место быть в случае насильственных преступлений. В этой же ситуации и может быть распределение ролей (лицо устраняет препятствие (пособник), путем удержания жертвы (поведение)).

Однако, как не парадоксально, но суды, в данном вопросе идут дальше, не ограничивая существование группы лиц упомянутыми двумя случаями.

Под моментом начала посягательства следует понимать осуществление фактических действий (бездействий), образующих тот или иной состав преступления, т.е. реализацию объективной стороны преступления, отсюда возникает вывод о том, что виновные лица могут заранее объединиться для совершения преступления: «Находясь в указанном лесном массиве Черкасов В.Н. осознал, что у Ю. Ю.А. не имеется разрешительных документов для рубки деревьев, и в это время у Черкасова В.Н. возник преступный умысел, направленный на незаконную рубку лесных насаждений группой лиц с Ю.м Ю.А.» [7] (момент возникновения умысла у второго лица не охватывается началом самой незаконной рубки, хотя и охватывается умыслом первого лица).

Кроме того, виновные лица могут объединиться еще раньше на моменте возникновения умысла у одного из соучастников или сразу всех: «ДД.ММ.ГГГГ около 16-00 часов у Шигина Д.А. и Лобанова А.Д., достоверно знающих о правилах рубки деревьев, предусмотренных действующим законодательством, а также, что рубка лесных насаждений производится на основании разрешительного документа, и не имея такового, из корыстных побуждений, в целях извлечения выгоды, возник преступный умысел, направленный на незаконную рубку лесных насаждений, а именно деревьев породы лиственница и береза» [8].

В любом случае данные обстоятельства имеют второстепенное значение, в то время как основное связано исключительно с тем временным промежутком, который не охватывает момент начала реализации объективной стороны преступления.

Отсюда возникает следующая проблема – наличие фактического согласия соучастников на этапе обнаружения умысла до исполнения преступления, о чем свидетельствует приведенная судебная практика. Однако, не совсем ясно, чем руководствовался суд, ведь ничего не мешает осуществить переквалификацию деяния на ч. 3 ст. 260 УК РФ, тем не менее, суды не спешат с этим. Причем на текущий момент сформировалась судебная практика именно в пользу реализации уголовной ответственности соучастников путем вменения им деяния, совершенного группой лиц.

Данная ситуация не должна остаться без внимания, поскольку она, ликвидирует основной сущностный признак группы лиц – отсутствие предварительного согласия, свидетельствующего о низкой степени соорганизованности (согласованности) соучастников. А, если обратить внимание на признаки группы лиц по предварительному сговору, наша убежденность лишь усилится, ведь, по сути, что группе лиц, что группе лиц по предварительному сговору свойственны следующие признаки: 1) стихийность распада преступной группы; 2) единство места и времени совершения преступления; 3) отсутствие жесткого планирования места и времени совершения преступления; 4) отсутствие жесткого планирования функций соучастников на момент совершения преступления; 5) наличие умысла соучастников на совершение единичного преступления.

Следовательно, основным сущностным разграничительным признаком, свойственным группе лиц по предварительному сговору будет являться наличие соглашения на совершение преступления, носящего стихийный и ситуационный характер. Именно на признаке согласия будут строиться все последующие формы соучастия, в т.ч. организованная группа.

Возвращаясь к ст. 176 УК РФ, следует обратить внимание на тот факт, что незаконное получение кредита может совершаться группой лиц по предварительному сговору: «Буланов В.А., имея умысел на подстрекательство, то есть склонение другого лица к совершению преступления путем уговора, к получению индивидуальным предпринимателем кредита путем представления банку заведомо ложных сведений о финансовом состоянии индивидуального предпринимателя... в период времени с 18.04.2013 года до 29.04.2013 года, точная дата и время в ходе следствия не установлены, действуя из корыстных побуждений, заведомо зная о том, что зарегистрированная в Межрайонной ИФНС №9 по Ростовской области 22.11.2012 г. в качестве ИП главы КФХ Косенко Н. А., ОГРН №, фактически не вела хозяйственную деятельность, была зарегистрирована в указанном качестве по инициативе неизвестного лица, и имела при себе пакет документов, изготовленных и предоставленных ей неустановленным лицом при неустановленных в ходе следствия обстоятельствах, в целях получения ей кредита в сумме 5 000 000 рублей в дополнительном офисе РРФ ОАО «Россельхозбанк» № 3349/7/08 на свое имя, но для неустановленного лица, содержащих заведомо ложные сведения о ее финансовом состоянии как индивидуального предпринимателя, путем уговора Косенко Н.А. о необходимости получения ей кредита для последующего совместного занятия лишь им, Булановым В.А. и ИП главой КФХ Косенко Н.А. сельским хозяйством, а именно разведением крупного рогатого скота, с разделением доходов от планируемой за счет кредитных средств хозяйственной деятельности между ним и Косенко Н.А. в равных долях, рассчитывая при этом на временное использование кредитных средств с последующим их возвращением банку, склонил ИП главу КФХ Косенко Н.А., выступить заемщиком ОАО «Россельхозбанк» для получения на ее имя кредита в сумме 5 000 000 рублей...

Впоследствии, полученными кредитными денежными средствами ИП глава КФХ Косенко Н.А. совместно с Булановым В.А. распорядились по своему усмотрению.

В дальнейшем, Буланов В.А., обещавший ИП главе КФХ Косенко Н.А. осуществлять выплаты по вышеуказанному кредиту, в период времени с 30.04.2013г. по 30.05.2014 г. выплачивал проценты по данному кредиту, погасив сумму процентов в размере 765 207,91 рублей, и в дальнейшем, Булановым В.А. и ИП главой КФХ Косенко Н.А. выплаты по кредиту, по объективным причинам, не производились.

Таким образом, в результате совместных действий Буланова В.А. и ИП главы КФХ Косенко Н.А., последняя, путем представления банку заведомо ложных сведений о своем финансовом состоянии получила кредит в сумме 5 000 000 рублей, чем был причинен АО «Россельхозбанк» в лице его дополнительного офиса Ростовского регионального филиала № 3349/7/08, материальный ущерб в сумме 5 000 000 рублей» [9].

Судом, при индивидуализации уголовной ответственности в качестве отягчающего обстоятельства каждому соучастнику было избрано совершение преступления в составе группы лиц по предварительному сговору.

Помимо обозначенного судебного решения, в пользу обоснованности закрепления в ст. 176 УК РФ соответствующего квалифицированного признака свидетельствуют и иные из них [10].

Во-вторых, ситуация с установлением уголовно-правового содержания организованной группы выглядит куда более сложной, нежели в предыдущих двух формах соучастия.

Как неоднократно писал А.П. Козлов, на сегодняшний день, обоснованное определение организованной группы отсутствует. Ситуацию еще больше усугубляют различные Постановления Пленума Верховного суда РФ, наделяющие как отдельные виды организованных групп, как нашедших свое отражение в самостоятельных статьях Особенной части УК РФ, так и закрепленных в качестве особо квалифицированных составов преступлений, характерными признаками, которые, местами, противопоставляются друг другу, приобретают или же теряют свою самостоятельность (например, организованность) [13, с. 234].

Отчасти данный факт представители науки уголовного права объясняют невозможностью достижения полной формализации признака устойчивости (по мнению законодателя, фактически, отражающего сущность организованной группы): «Это качественное оценочное понятие с неточным объемом» [14, с. 196].

С данными выводами трудно спорить, однако это не разрешает обозначенную проблему.

На данный момент, определение устойчивости раскрыто сразу в трех судебных актах – Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» (п. 4), Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (абз. 2 и 3 п. 15) и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (п. 6), причем второй и третий являются, по большому счету, тождественными: «Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства... Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и распределение ролей между ними, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы)» [4; 5].

В случае первого имеют место быть некоторые иные признаки: «Об устойчивости банды могут свидетельствовать, в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений» [3].

По мнению некоторых представителей уголовно-правовой доктрины, доверие обозначенные судебные толкования вызывают постольку-поскольку, ведь остается безответным: положениями какого из них руководствоваться? Если всеми, то налицо абсурд, вызванный наличием терминологических и содержательных противоречий. Отсюда, возможно следует придерживаться конкретного судебного акта, в частности, охватывающего сферу совершения лицами мошенничества, присвоения и растраты? Однако, данный шаг выглядит бесперспективным, поскольку Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве,

присвоении и растрате» в отличие от своего предшественника обходит вопрос толкования признака устойчивости стороной [2].

Хотя, справедливости ради простора для данных рассуждений порождает ч. 2 ст. 3 УК РФ, ведь положения судебных актов не составляют отечественный уголовный закон, а стало быть, аналогия применения их положений возможна.

Тем не менее, как справедливо указывает Э.В. Трузьян, отраженные Верховным судом РФ признаки, сами по себе, еще не свидетельствуют о наличии устойчивости группы [16, с. 86], однако, далее соискатель, вопреки своему убеждению, осуществляет поиск истины в совершенно ином направлении, беря за основу дефиниции те же самые признаки, предлагаемые Верховным судом РФ в своих отдельных постановлениях.

По мнению А.П. Козлова куда продуктивнее брать за основу иной специфический признак – наличие более высокой степени организованности, основанной на предварительной объединенности лиц и именно его следует наполнить характерным содержанием [15, с. 523]:

1) глубокое планирование, включающее в себя четкое определение объекта, размера и качества предмета посягательства, характера преступного деяния, средств и способов совершения преступления; 2) выбор оптимально необходимого количества лиц для совершения преступления (к совершению деяния привлекаются лица, участие которых является необходимым для обеспечения его интенсивности, эффективности и безопасности), жесткая детализация ролей соучастников; 3) строгое ограничение функций, времени, места действия соучастников.

А.В. Шеслер, наоборот, включает данный признак в содержание устойчивости, наряду с длительностью и интенсивностью преступного посягательства, относительно стабильным составом участников группы; постоянством форм и методов преступной деятельности [18, с. 61].

В свою очередь А.А. Арутюнов пренебрежительно относится к подходу А.П. Козлова, неправильно толкуя авторскую терминологию относительно «случайной» преступности, к тому же первый согласен с тем утверждением, что, как правило, организованная группа создается с целью совершения одного преступления [12, с. 286]. На самом деле не совсем так, поскольку подавляющее число организованных групп совершает как раз, два и более преступления [16, с. 87].

Законодателю следует переосмыслить свой подход к закреплению содержания организованной группы, в частности, либо осуществить обоснованное правовой толкование признака устойчивости, либо ликвидировать его, заменив на иной сущностный, и также осуществить его детализацию.

Как было сказано ранее, наличие предварительного сговора является обязательным (вторым) признаком организованной группы.

К третьему признаку организованной группы – совершению виновными лицами одного или нескольких преступлений ученые-правоведы относятся неоднозначно, хотя большинство не отрицает его как такового, однако за сущностный, его едва ли можно считать.

Тем не менее, сетуя на обозначенные признаки организованной группы, следует также обратить внимание на обоснованность потребности в закреплении анализируемого особо квалифицированного состава преступления, а судебная практика порождает дополнительные предпосылки [6].

В-третьих, как показывает судебная практика, вопреки здравому смыслу, суды как будто забывают о существовании примечания к ст. 170.2 УК РФ, исходя из которого, устанавливается соответствующий размер особо крупного ущерба – девять миллионов рублей в т.ч. для случаев совершения незаконного получения кредита: «Петров П.И., являясь руководителем организации – генеральным директором ООО «А.»... в период с 25 по 26 декабря 2013 года, действуя на территории г. Санкт – Петербурга по адресу: <адрес>, при пособничестве Ростунова Д.А., совершил незаконное получение кредита, то есть

получение руководителем организации кредита путем предоставления банку заведомо ложных сведений о хозяйственном положении и финансовом состоянии организации, причинив при этом банку ущерб на сумму не менее 32 822 520,54 рублей, что является крупным ущербом» [11].

Не совсем ясно, каких мотивов придерживаются суды, тем более, что отдельные из них прямо указывают на примечание к ст. 170.2 УК РФ [9].

Отсюда, введение особо квалифицированного состава – незаконного получения кредита, повлекшего причинение особо крупного ущерба, видится как обоснованное.

Исходя из вышесказанного, а также отраженных в иных авторских исследованиях положений, в части расширения перечня субъектов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ, введения сущностного признака – наличия объективных причин невозможности выполнения условий кредитного договора, а также его прямого упоминания в норме, во избежание путаницы с иными договорами (товарный и коммерческий кредит), мы предлагаем формализовать диспозиции ст. 176 УК РФ, следующим образом:

1. Получение кредита либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений при наличии объективных причин невозможности выполнения условий кредитного договора, если это деяние причинило крупный ущерб.

2. Незаконное получение государственного целевого кредита, а равно его использование не по прямому назначению, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору, а равно лицом с использованием своего служебного положения.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо причинившие особо крупный ущерб.

Примечание: Причины невозможности выполнения условий кредитного договора являются объективными, когда по обстоятельствам, не зависящим от воли или действий должника, у него отсутствует возможность в соответствии с законом или договором исполнить обязательство как лично, так и с привлечением к исполнению третьих лиц, когда есть основания полагать, что лицо намеревается исполнить договорные обязательства. В случае отсутствия объективных причин невозможности выполнения условий кредитного договора, когда есть основания полагать, что лицо намеревается исполнить договорные обязательства, оно подлежит уголовной ответственности по соответствующей части статьи 159.1 УК РФ».

Безусловно, предложенная редакция ст. 176 УК РФ в части диспозиций не является идеальной, по той причине, что наблюдаются отдельные логико-правовые отступления в части причинения особо крупного ущерба, при совершении деяния, предполагающего причинение крупного ущерба, однако, подобный опыт дифференциации уголовно-правовых норм имел место быть у отечественного законодателя, в частности при закреплении ст. 170.2 УК РФ и иных норм, следовательно, сетуя на общественную значимость предложенных изменений, подобные отступления будут не столь значительны, чтобы их игнорировать.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 11.12.2020).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 11.12.2020)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 11.12.2020).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 11.12.2020).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 11.12.2020).
6. Апелляционное определение по делу №22-842/2019 от 19 марта 2019 года Волгоградского областного суда – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 11.12.2020).
7. Приговор по уголовному делу №1-25/2018 от 28 марта 2018 г. Уярского районного суда Красноярского края – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 11.12.2020).
8. Приговор по уголовному делу №1-20/2019 от 11 июня 2019 г. Северо-Енисейского районного суда Красноярского края – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 11.12.2020).
9. Приговор по уголовному делу №1-34/2016 от 28 апреля 2016 г. Ремонтненского районного суда Ростовской области – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 11.12.2020).
10. Приговор по уголовному делу №1-480/2016 от 26 июля 2016 г. Ленинского районного суда г. Кирова – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 11.12.2020).
11. Приговор по уголовному делу №1-161/2017 от 16 марта 2017 г. Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 11.12.2020).
12. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. – М.: Статут, 2013. – 408 с.
13. Власов В.А., Толстиков В.А. Проблемы квалификации преступлений в сфере земельных отношений, совершенных организованной группой // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 227-242.
14. Иванчин А. В. Проблемы квалификации экономических преступлений, совершаемых в составе организованной группы // Юридическая наука и практика: вестник нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 195-199.
15. Козлов, А.П. Авторский курс уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 752 с.
16. Трузян Э.В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность : дисс. ... кан. юрид. наук : 12.00.08 / Трузян Эдуард Валериевич; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2018. – 201 с.
17. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / А.В. Наумов [и др.]; ответственный редактор А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 410 с.
18. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: монография / д-р юрид. наук, проф. А.В. Шеслер. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. – 84 с.

